

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Часть I

Валье–дель–Каука

Пахло жареной свининой, а Эрнст Лундвалль должен был умереть¹.

Он стоял здесь, совершенно растерянный, в наполовину заправленной в костюмные брюки белой рубашке. Кевин Горман сидел на табурете в нескольких метрах позади него и чесал открытый лоб серебристым дулом автоматического пистолета. Вид у него был довольно глупый.

Йенсу Валою и Лотару Тидеманну отвели места в первом ряду партера. Они не должны были пропустить ничего из представления.

Наверху, на каменной веранде, среди колонн и белых статуй, дон Игнасио Рамирес — в черных солнечных очках и с заложенной за воротник салфеткой — ел жареную свинину. Это был день его славы. Свежеокрашенные волосы выглядели неестественно яркими по сравнению с его бледной кожей. Дон Игнасио сидел на фоне собственного дворца — безвкусной мешанины Версаля и Диснейленда, больше всего походившей на спрятанное в колумбийских джунглях неуклюжее пирожное со взбитыми сливками.

¹ Здесь и далее: предыстория описываемых событий рассказывается в романах А. Содерберга «Ее андалузский друг» и «Сын за сына».

Роскошный сад населяли экзотические животные — жирафы, две зебры, лев, одинокий носорог и... несколько бегемотов. Сейчас все они были здесь и в растерянности следили за разворачивавшимся действием.

Дон Игнасио выступал в качестве режиссера. Эрнсту отводилась роль жертвы, Горману — палача, Валю и Тидеманну — публики.

— Йенс! — выкрикнул Эрнст.

Голос его сорвался.

— Эрнст! — отозвался Йенс. — Ничего не бойся!

Он утешал его, как ребенка, хотя это не имело смысла.

Валь повернулся к дону Игнасио Рамиресу:

— Мы можем поговорить?

Дон Игнасио молчал. И продолжал есть свинину, недосягаемый за темными очками. Только живот его напрягся за полиэстером рубахи.

А что он, собственно, должен был делать? Слушать причитания Йенса? С ним все кончено, как и с Эрнстом. Им не о чем говорить. Валя ждет такая же судьба — возможно, уже в самое ближайшее время.

Свинья Кевин Горман должен сделать это. Чертов палач дона Игнасио, страж Йенса и Лотара, их дух-мучитель... Он сидел здесь, как всегда готовый на все. Уроженец Северной Каролины — не старый, не молодой, с плохими зубами. Его неопрятные волосы висели сосульками. Имя каждой очередной жертвы Кевин заносил в специальный журнал.

Игнасио глотнул вина и поднял бокал в сторону Гормана. Это был знак. Кевин поднялся и вразвалку пошел на Эрнста.

— Йенс? — снова выкрикнул Лундвалль, на этот раз скорее вопросительно.

Кевин Горман вытянул руку с пистолетом. Эрнст прищурился и закричал, что сделает все, что от него требуют.

— Не смотри, — шепотом велел Йенс Лотару.

Но тот не сводил с Лундвалля глаз.

Раздался выстрел. Животные содрогнулись, с деревьев взметнулись птицы. Эрнст рухнул на сухую землю с дыркой во лбу и обмоченными штанами.

Колени Тидеманна обмякли, но Валь успел его подхватить.

Горман повернулся к ним. На его губах играла улыбка. Йенс презрительно сплюнул.

Лотар дрожал, уставив глаза в землю. Он по-прежнему не держался на ногах, поэтому Валь не выпускал его. Семнадцать лет — мальчик был слишком молод для всего этого.

— Йенс и Лотар! — раздался сверху голос донна Игнасио.

Он стоял, опершись на каменные перила террасы, — с заложенной за воротник салфеткой и блестящими от жира губами.

— Вы почти полгода прожили под моей крышей, и с вами обращались по-человечески.

Театральная пауза. Жара, звуки джунглей.

Валь обернулся на Эрнста — над убитым уже роились мухи.

— Пришло время расстаться, — продолжал Рамирес. — Когда-нибудь ты будешь думать обо всем этом иначе, Йенс.

Двое мужчин подхватили Лундвалля за ноги и поволокли прочь. Руки покойного тянулись по земле, поднимая красновато-бурую пыль.

— Лотар поедет с тобой, Йенс, но только до Майами. Ты оставишь его там, так будет надежней. Будешь умницей в Европе — и Лотар избежит участи Эрнста.

Игнасио сорвал с груди салфетку и вытер ею рот, после чего бросил ее на стол и скрылся.

Йенс все еще сжимал Лотара в объятьях — почти отцовских. Хотя тот был сыном Гектора Гусмана, а не его.

Прага

София погрузилась в воду.

Мир снаружи представлялся скоплением бесформенных световых пятен. Кровь стучала в висках, вода давила на грудь и горло. Боль разрывала тело на части, но София Бринкман держалась. Она сама выбрала для себя такое наказание. Кроме того, за болью стояло нечто большее, едва различимое. Дрожащая полоса красного света... Сладостное, болезненное онемение, самоистязание, самоотмщение... Исчезающе краткое наслаждение болью, отсрочка.

Она уже начала умирать. Губы стали нечувствительными. Давление на глаза усилилось, а мышцы на руках и лице задергались. Внутри все переворачивалось.

Оставалось совсем немного. Сердце неистовствовало. Тело погружалось в вакуум, содрогаясь от предупреждающих сигналов. В голове мутилось. Уже несколько раз София выпадала из сознания и снова приходила в себя. Внезапно в глазах у нее потемнело. Сработал дыхательный рефлекс — легкие наполнились водой. Бринкман пробудилась к жизни — взметнулась вверх, срывая полотенце, и перегнулась через борт ванны, выплевывая воду, захлебываясь от кашля. Потом она глубоко вдохнула, удерживая воздух в легких. Боль стала невыносимой, и София закричала, уткнувшись лицом в полотенце. Выталкивая из себя воздух, она попыталась ввести дыхание в ритм. Горло и легкие у нее горели.

Она запрокинула голову, обеими руками вцепилась в бортик ванны и задышала спокойнее. Легкие наполнились воздухом, кислород медленно растекался по телу, распространяя неопишуемое блаженство.

Где-то капала из крана вода — звук отдавался эхом в гулком пространстве комнаты. Бринкман заметила на потолке две царапины, вдоль которых уже вздувалась

и обдупливалась краска, и повернула голову. Одежда висела на дверной ручке. От «Сони Рикель»¹...

Кап, кап, кап... В дверь постучали, а потом послышался голос Альберта:

— Поторопись, мама! Вам скоро уезжать.

* * *

Бульканье, плеск коктейля в бокале — напитки льются рекой. Четырехголовый оркестр в смокингах играет блюз. Не меньше сотни гостей теснятся в зале торжеств шведского посольства в чешской столице. Среди них — дипломаты, бизнесмены, кое-кто из политиков. София топчется в стороне с бокалом шампанского в руке, не сводит глаз с Санны Ренберг. То же самое делает и Майлз Ингмарссон у противоположной стены зала.

Санна — коротко стриженная кудрявая блондинка в вечернем платье — пробирается сквозь толпу. У нее есть цель — Карл Хагман, который стоит посредине зала, окруженный толпой коллег.

Ренберг протискивается к Хагману, что-то шепчет ему в ухо. Карл улыбается, его недоуменный взгляд скользит по фигуре Санны — снизу вверх.

Отлично...

София смотрит на свои наручные часы.

Главное — вовремя вывести Карла Хагмана. Тридцать минут — ровно столько требуется, чтобы подействовала таблетка. Потом он вырубится.

Коллег Карла — женщину и мужчину рядом с ним — нужно отвлечь.

Бринкман возьмет на себя мужчину. Ингмарссон — женщину.

София и Майлз приближаются к Хагману каждый со своей стороны.

— Привет! — улыбается София.

¹ Соня Рикель — французский кутюрье, основательница одноименного дома мод.

Мужчина оборачивается, его лицо сияет.

В зале торжеств слишком многолюдно, гости теснятся. Майлз и София обмениваются любезностями с коллегами Карла, незаметно передвигаясь по периметру зала. В конце концов коллеги оказываются стоящими спиной к шефу. Бринкман видит, как Санна уводит Хагмана в сторону выхода.

Они встретятся на лестнице через три минуты.

Карл что-то бормочет и смеется, в то время как Майлз подталкивает его вниз по лестнице. София и Санна следуют за ними.

Вместо того чтобы покинуть посольство через главный вход, они сворачивают вправо, отпирают кодовый замок на двери, проходят через небольшой офисный зал и останавливаются перед дверью. Бринкман набирает четырехзначный код, придерживает дверь и идет следом за остальными.

Дальше начинается лестница, которая ведет в подвал здания посольства.

Таблетка подействовала быстро, Карлу Хагману все хуже.

Группа продолжает двигаться по коридору, волоча и подталкивая его.

— Эй! — Откуда ни возьмись, появляется охранник — двойной подбородок на воротнике темного костюма, в руке рация. — Что вы здесь делаете?

— Одному из гостей стало плохо, — улыбается Майлз.

Охранник вглядывается в его лицо.

— А вы, случайно, не компьютерщик?

— Точно, — подтверждает Ингмарссон и кивает на Хагмана. — Пусть проспится в моем кабинете, ладно?

— Только недолго, — нехотя соглашается страж. — Через три часа здание посольства закрывается, таковы правила. — Он поворачивается к Софии и Санне. — А вас я не знаю.

— Мы — делегация бизнесменов из Швеции, — объясняет Бринкман. — А это наш шеф, — кивает она на Хагмана.

— В таком случае здесь вам делать нечего, — грубо обрывает ее охранник. — Гости должны держаться отведенных для них территорий.

Это уже откровенная наглость. Майлз кивает:

— Понимаю, но наверху назревал скандал. Мы были вынуждены спасти положение.

— Плевать я хотел на ваш скандал.

Ингмарссон вскидывает голову.

— Как, простите?

Охранник моргает, понимая, что перегнул палку.

— Вам не следует бродить по этому зданию без дела, тем более в компании посторонних людей, — уже не так уверенно повторяет он.

— Я не расслышал, что вы сказали до этого?

— Теперь уже неважно, — отмахивается служащий.

— Вы тоже работаете в этом посольстве, — наставительно замечает Майлз. — И плевать хотели на репутацию страны?

Охранник мотает головой.

— Может, в таком случае вам стоит подыскать себе другую работу? — продолжает Ингмарссон. — Если хотите, могу поговорить с начальником службы безопасности.

Нависает пауза.

— Хотите? — повторяет Майлз.

Время идет, охранник медлит. Наконец он бормочет «нет» и исчезает.

Компания устремляется вниз по лестнице. Ноги Карла заплетаются, ему все хуже. Наконец они оказываются перед массивной металлической дверью. Майлз бросает Софии ключ, она отпирает.

Спустя несколько секунд компания выходит в переулок. Неподалеку кто-то заводит машину — слышно, как под колесами хрустит гравий. А потом в переулок вырывается серый «Фольксваген Пассат».

Бринкман открывает заднюю дверь. Майлз и Санна втаскивают Карла в салон, а София обходит машину и са-

дится на переднее сиденье. За рулем — Михаил Асмаров, он вопросительно косится на Софию.

— Всё в порядке, — кивает она.

Михаил выезжает на дорогу. Они живут буквально в паре шагов — западнее моста Карлсбрун, возле площади.

* * *

Ноги Карла Хагмана волочились по полу, изо рта свисала струйка слюны. Майлз и Михаил вместе втащили его в квартиру.

— Поздоровайся с Карлом, Альберт! — крикнул Ингмарссон.

— Привет, Карл, — раздался из гостиной голос Альберта. — Опять нализался? Ты меня разочаровываешь.

— Прекрати, Альберт, — оборвала сына София.

Тот вместе с Майлзом рассмеялся.

Хагмана бросили на двуспальную кровать в гостиной и раздели.

Появилась Бринкман с тремя шприцами и ампулами в руках.

— Где Санна? — спросила она, наполняя шприц.

— Переодевается, — ответил Майлз, устанавливая камеру на штативе.

Оставив Карла Хагмана в одних кальсонах, София присела на край кровати, нащупала вену на сгибе его руки и ввела шприц. Карл не отреагировал.

Они провели тщательную проверку. В тот вечер на вечеринке в посольстве Хагман представлял одну из небольших шведских компаний — свою собственную, которая занималась координацией компьютерных баз данных по всему миру с целью облегчить сотрудничество властных организаций разных стран. Он создал программу «Линкс» — своего рода переключатель между различными компьютерными языками. Последней его разработкой была попытка установления связи между государственными

ми налоговыми органами и международными банковскими транзакциями. Именно она и стала причиной того, что случилось с ним в тот вечер.

София приподняла Карлу веко и заглянула в зрачок:

— Сейчас очнется.

Майлз натянул на лицо черную балаклаву. Бринкман вскрыла ампулу и «зарядила» второй шприц.

Программы Карла Хагмана имели успех — сделки заключались одна за другой. На новой вилле к северу от столицы появилась до неприличия красивая жена. Дети Хагмана учились в частной школе. Он получал правительственные заказы и катался как сыр в масле.

Теперь все это поставлено на карту.

София вытащила иглу.

— Это вернет ему физическую форму. При этом он не будет осознавать, что происходит.

Майлз кивнул.

Карл что-то бормотал, шевеля губами, будто во сне.

Бринкман поднялась и взяла третий шприц:

— После этого он восстановится окончательно. Вко-лешь, когда все будет кончено.

В гостиную вбежала Санна — в трусах и чулках в сеточку на шелковом поясе. В остальном — голая.

София обняла ее:

— Удачи.

Щеки женщин на мгновение соприкоснулись, после чего Бринкман покинула комнату.

Ренберг поправила шелковый пояс и присела на край кровати.

— Я люблю тебя, Санна, — сказал Майлз в балаклаве, направляя на нее камеру.

Санна склонилась над мужчиной в постели.

— Я люблю тебя, Майлз, — отозвалась она, засовывая Карлу в рот свой сосок.

Хагман выпучил глаза.

Ингмарссон сделал снимок.